Скорее всего, эти заявления верны, во всяком случае относительно Симеона Полоцкого, его «Псалтири рифмотворной». Патриарх Иоаким в 1690 г. говорил о книгах, напечатанных в Верхней типографии: «Мы же прежде типикарского издания тех книг ниже прочитахом, ниже яко либо ведехом, но яже еже печатати отнюдь не токмо благословение, но ниже изволение наше бысть».[15] Вряд ли Симеон Полоцкий знакомил грекофилов с рукописью своего переложения; попытки же исследователей усмотреть в «гаждателе» Евфимия Чудовского, скорее всего, навеяны позднейшими его выпадами против «Псалтири рифмотворной» в том же «Остне».[16]

Литературно-критических суждений XVII в. не сохранилось; возможно, конечно, что они просто не дошли до нас, однако обилие сохранившихся религиозно-полемических сочинений заставляет сомневаться в этом. Таким образом, выпады против «гаждателя» носят превентивный характер, это не столько защита от безосновательных нападок, сколько отстаивание своей позиции. Но если «гаждатель» не литературный критик, то кто же он? Ответ, вероятно, стоит искать не в истории критики, а в истории развития авторского самосознания, небывалый рост которого как раз приходится на вторую половину XVII в., когда в самой литературной культуре происходят принципиальные изменения. Одно из них заключается в том, что «в сферу литературной коммуникации был введен качественно новый объект — другой автор. В древней русской литературе литературная коммуникация подразумевала, как правило, одностороннюю связь — автор/читатель, куда мог входить, естественно, и другой автор. Теперь же в качестве второго участника литературной коммуникации выступал непосредственно другой автор, т. е. в литературной культуре наметился переход от коммуникации автор/читатель к типу автор/другой автор».[17] Этим другим автором, которого можно было безнаказанно обличать, поскольку это был чисто фиктивный, литературный образ, стал бессмертный и пресловутый Зоил. Исторический Зоил, как известно, сам был писателем, причем не очень удачным, поэтому важна главная характеристика русского «хухнателя» — зависть. Так, в стихотворении «К гаждателю» только само слово «зависть» упоминается шесть раз. Автор «Статира» также «дерзает» против завистников:

Тако и ты не много ся весели,
Но сам в сих искуситися изволи.
Когда бо ты свой разум познаеши,
То и на мою немощь не зазриши.
Не буди, яко муха, нападая
На язву, здравое пренебрегая.

---

[15] Остен: Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 138.

[16] Там же. С. 137.

[17] *Чернов И. А.* Из лекций по теоретическому литературоведению. [Вып.] 1. Барокко: литература/литературоведение. Тарту, 1976. С. 147.